

Спасительное творчество

*Всякое дерево, не приносящее плода
добраго, срубают и бросают в огонь.*

Мф. 7, 9

Всякое ли творчество способно дать плод, который бы оживил, отогрел, покрыл теплом сумрачную и греховную душу современного человека? Ответ однозначный: не всякое.

Поэзия — акт творческий, и, безусловно, результат этого акта — плод духовный. Но не всякий плод на вид и на вкус привлекателен и съедо-

бен — можно и отравиться. Священное Писание прямо говорит о «садовниках» (творческих): «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 20). С одним из таких садовников я познакомился несколько лет тому назад в одной из поездок по солнечной Италии. Это автор книги «Духов день» Дмитрий Мизгулин.

Так о чем же он тревожится и чего желает людям и себе?

*Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдет...*

Поэт понимает, что без Божией благодати невозможно никакое спасительное творчество.

Болью отзываясь в его сердце нравственное состояние современного общества, хотя поэт и не обольщается прошлым:

*...Не всякий знал и в те года
К Любви дорогу,*

*Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.*

Автор книги размышляет: доколе же общество будет находиться в духовной слепоте?

И делает вывод:

*...И будет смех подобен стону,
И будет властвовать обман,
Покуда мы как на икону
Взираем на цветной экран.*

В чем же причина духовного дисбаланса? По мнению поэта — не слышим голос Творца:

*Нынче чародеев, звездочетов
Слушаем, как будто бы святых,
Все гордимся точностью расчетов,
А бредем, как сонмище слепых.*

Конечно, не только невежественный в религиозном отношении народ — кузнец своего счастья, но и его

учители имеют, мягко говоря, невнятное представление о людском благе:

*Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то смутно, невпопад
Вдруг вспомнят Бога.*

Дмитрий Мизгулин — тонкий, чуткий и наблюдательный поэт, с хорошим вкусом и мягким чувством юмора. Он не кичится своим талантом, не стремится ко всяким замысловатостям и поэтическим трюкам, не сражает наповал читателя, не парализует ум и воображение модной архитектурной стиха, а, наоборот, предлагает нам себя, как друг, как брат, готовый поделиться тем теплом и отзывчивостью, которые благословил ему Господь.

Автор сожалеет о том, что, увлекаясь прогрессом, мы делаем ставку на него, забывая о том, что никакое изобилие материальных благ и рас-

цвет науки еще не сделали человечество по-настоящему счастливым:

*И летит всемирный наш экспресс,
И гремит железная дорога,
И уносит дальше нас прогресс
От природы,
от Любви,
от Бога.*

Но нет безысходности в стихах поэта Дмитрия Мизгулина. Наоборот, они вселяют в нас надежду на возгорание в душах наших того благодатного Огня, который подобен иерусалимскому, ежегодно сходящему с Небес на свечу православного архиерея в Великую Субботу накануне Святой Пасхи:

*Смахну беспамятства слезу
Тяжелую рукой,
Домой с Афона привезу
Молитву и покой.*

(«Афон»)

Дорогой читатель, Вы держите в руках плод долгих размышлений автора о Боге и человеке, о разных дорогах и тропинках, по которым бредет человеческая душа, и единственном пути, ведущем к Истине. Это плод добрый. Вкусите его.

Клирик Князь-Владимирского собора, что в Санкт-Петербурге, протоиерей Виктор Грозовский

КОЛЬЧУГА

Дрожит свечи неровной пламя,
Душа скорбит. Светлеет грусть,
Когда я в опустевшем храме
О Родине своей молюсь.

Шумят неистовые битвы,
И с воем рать идет на рать,
А мне б слова своей молитвы
Кольчугой прочною связать...

Рассеян ум. Бессилен разум.
И только трудится душа,
Слова простые раз за разом
Нанизывая не спеша.

Чуть слышно шепчутся
старушки,
И гул эпох — издалека...
Ох, коротка моя кольчужка,
Ох, как кольчужка коротка...

* * *

Места для боли в душе не
осталось.
Пламя пожара уже отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отечество. Было –
и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.
Солнце светило. А нынче
не светит.
Может, хоть кто-нибудь это
заметит –
Кто-нибудь, кроме меня?
Как закружились, змеясь
и ликуя,
Едкого дыма лиловые струи,
Тусклые блики огня...
Господи, дай же им разум
и силы,

Дай им очнуться у края
могилы,
Пусть содрогнется земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

* * *

Словно из болотного тумана
Проступает странный силуэт –
Телевизионного экрана
Бледно-голубой чадающий свет.

В век духовной суеты и стресса
Видим электрические сны.
В путях пресловутого прогресса,
Словно бы в цепях у сатаны.

А и то сказать – живем неплохо.
Техника вокруг – как ни крути...
Далеко продвинулась эпоха,
Дальше просто некуда идти.

РИМ

Рокошет недовольная река.
На берегу в песке играют дети...
В душе горят минувшие века,
И на моих сандалях пыль
стоletий.

Я вечность эту вижу наяву.
Устал от зрелищ. И наелся
хлеба.

Рим пал давно. А я ещё живу
И, радуясь, гляжу на это небо.

* * *

Куда бы жизнь нас дальше ни
вела,
Доказываем те же теоремы –
Кого-то ждут великие дела,
А остальных – великие
проблемы.

Ну, чем не угодил нам отчий
дом?
Но вновь, простые истины
отринув,
До основанья рушим. А потом
Закончим жизнь в дымящихся
руинах.

И мы уже – толпою у дверей
На выходе. В конце последних
сроков
Дай Бог простить слепых
поводырей,
Дай Бог простить глухонемых
пророков.

Дай Бог прозреть. Хотя бы
и тогда,
Когда душа уже не отзовется,
В тот миг, когда забвения вода
Над головой стремительно
сомкнется.

Облетают последние листья,
Завтра грянет мороз поутру,
И рябины оранжевой кисти
Зазвонят на студёном ветру.

* * *

Перестройка. Перековка.
Как бы переподготовка
К лучшей жизни или на...
Думали, что передышка,
А на самом деле – крышка,
Амба. Кончилась страна.

Перестройка. Перестрелка.
Кабы знать, что море мелко,
Что измена так легка?
Ожидали лучшей жизни,
А теперь молчим на тризне.
Чарка праздная горька...

Перестройка. Переключка.
Крепнет власть. Шуршит
наличка.

Каменеет страх.
Строим храмы. А до Бога
Далека еще дорога –
Тает в облаках.

* * *

Встрепенёт притихнувшую
душу
Тот мотив, знакомый
и простой –
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой...

Ох же и хлебнули мы отравы,
Закружилась круто голова,
Изменились времена и нравы,
Потускнели чувства и слова.

Нам привозят яблони и груши
Из-за океанской стороны,
А голубоглазые Катюши
Нынче по Европе – в полцены.

Можно жизни радоваться.
Можно.
Нефть и водка – полною
рекой...

Только зазвонит душа тревожно
Неизбывной русскою тоской.

Мы ещё и сами-то не знаем,
Кто нас нынче снова взял
в полон.
Вымираем тихо, убываем,
С каждым годом минус
миллион.

Онемеют небеса и реки,
Опадет осенняя листва,
О последнем русском человеке
Повторяя скорбные слова.

И никто не будет больше
слушать,
Как порой прекрасной, золотой
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

* * *

В царстве срама и хама
Ни любви, ни стыда,
Жили раньше без храма
И теперь – не беда.

Осентялась дорога
Не крестом – кумачом...
Жили раньше без Бога
И теперь – ни при чем.

Все в расход – без разбора
Разболтались умы,
Не останется скоро
Ни тюрьмы, ни сумы.

Ни любви, ни разлуки,
Но печалится бес –
Слишком коротки руки,
Не достать до небес.

В горних высях струится
Ослепительный свет,
Через эту границу
Никому хода нет.

* * *

Весна. Раскисшие дороги.
Чернеет снег. Мутнеет даль.
Мои привычные тревоги
Вернул оттаявший февраль.

Привычно сердце
разболелось,
И раздражает птичий гам,
И вдруг внезапно захотелось
На время оказаться там,

Где откружившие метели
К утру сугробы намели,
Где спят рождественские ели,
Склоняя ветви до земли.

2007

* * *

Настало лето. Реки разлились.
Везде вода – от края и до края.
Пронзают чайки голубую высь,
Шумит листва – такая молодая...

Какая красота, какой простор –
Всё слажено и сложено
в природе.
Стихает бесполезный разговор
О правде, о свободе, о народе...

Впадает в небо синяя река.
Шуршит остроконечная осока,
Весь мир един – от каждого
листка –
До облака, парящего высоко...

А вот – болота брошенных
полей,
Чернеющие избы и сараи,

Унылые остовы кораблей,
На берегу – ржавеющие сваи.

Во всем – унынье, боль
и нищета.
Сюда уже не ходят звери
в гости.
И покосилась церковь –
без креста,
И без крестов – могилы
на погосте...

Зачем, куда бредем из века
в век,
То дураков кляня, то
бездорожье?..
Убого всё, что создал человек,
Забыв о том, что он творенье
Божье.

* * *

От Волхова до Иртыша
Летела в сумерках душа.
Среди промерзших облаков,
Освободившись от оков
Земной тревожной суеты...
И звезд хрустальные цветы
Звенели в лунной тишине.
И было одиноко мне
Без быта и без бытия...
Как невесома жизнь моя,
И тает вереница дней
В мерцанье бортовых огней.

* * *

Застыли великие реки,
Притихли нагие леса.
От сумрачной хмари навеки
Очистил Господь небеса.

Прозрачны промерзшие дали,
И видится так далеко,
И осени хмурой печали
Развеялись утром легко.

Не так ли, в сомненьях
 запутан,
Нисходишь во мрак не спеша,
Но вдруг в роковые минуты
Становится зрячей душа.

* * *

Вот наконец-то и зима.
Трещат дрова в печи.
И звёздных искр кутерьма
В редяющей ночи.

И слышно в лунной тишине,
Как тихо снег пошёл...
Никто не вспомнит обо мне –
И это хорошо.

* * *

Похоронив отца и мать
Тогда не ощутил сиротства.
У молодости превосходство –
Без слез беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
Привык вносить за счастье
плату.

Так отчего же вдруг теперь
Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
Доносит шум ветров далекий...
Ужели своего конца
Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу.
И в пустоте дневного храма
Затеплю желтую свечу
И помяну отца и маму,

И воспарит душа, легка,
И зашумит листвою лето,
И памяти моей река
Несёт меня навстречу свету.

* * *

Слава Богу – всё со мной:
Ручка, чистая бумага,
Где метели за стеной,
Огоньков ночных ватага.

Слава Богу – всё моё:
Ночь, звезда в морозной
сини,
Тишина и бытиё,
На окне застывший иней.

Слава Богу – никому
Ни советов, ни отчета...
И колеблет ночи тьму
Звёзд немая позолота.

Здесь в молчании снегов
Тишина – моя награда.
Слава Богу, ничего
Большого уже не надо.

* * *

Вагончики. Сарайчики. Балкí.
Избушки кособокие. Бараки.
Мы были от Европы далеки,
А завтра будет хуже, чем
в Ираке.

Мы миру продаем и нефть,
и газ,
А сами кое-где сидим без света.
Ну, кто, скажи, подумает о нас
И от кого мы нынче ждем
ответа?

Лежат снега. И в царствии
тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движенье вод
реки,
Что подо льдом течёт,
изнемогая.

* * *

Востру́бят ангелы – пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовёт – как
в детстве.

Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой,
Но в прошлом всё – вокзал,
причал,
И счастье вперемешку
с мукой.

И полетит душа, легка,
Туда, где обитают души,
За грозовые облака,
Вослед за лайнером
воздушным,

Растает боль, исчезнет страх
И груз земного притяженья,

Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье.

И на секунду оглянись –
Быть может, это всё
приснилось:
И это небо, эта высь
Как бы нечаянная милость.

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

* * *

А зима – неожиданно, вдруг...
Закружив, налетели метели,
Упорхнула синица из рук,
А потом – журавли улетели.

Одиноко и тихо в ночи,
И не плачется мне, и не пьется.
Лишь огонь неугасимый в печи
Пылко пляшет и глухо смеётся.

Станет весело мне и тепло:
Всё же зиму встречаю
 в берлоге.
То ли с дымом печным унесло
Все печали мои и тревоги?

Грех унынья оставь навсегда,
И удача к тебе повернётся.
И синица родная тогда
Из-за синего моря вернётся.

* * *

Я поздней осенью дышу.
В морозной дымке вечер.
Буксиры вниз по Иртышу
Плывут Оби навстречу.

Они вершат привычный путь
К последнему причалу,
Чтобы немного отдохнуть –
И вновь начать сначала,

В круговороте суеты
Понятная дорога,
Пусть невысок полёт мечты,
Но не судите строго.

Дым заблудился над трубой,
Флаг реет над кормою,
Доволен будь своей судьбой,
Работой и строною.

Не суетись, не мельтеши
И, огибая мели,
Тащи бесценный груз души
К одной заветной цели.

О светлом будущем мечтай,
Но только ненароком —
Спаси Господь — не опоздай
К отмеренным нам срокам.

Когда закружится пурга
И почернеют травы,
Когда тяжелая Шута
Замрет под ледоставом.

* * *

Этот вечер не тронут
прогрессом.
Вдалеке от полуночных стран
Дым печной расстелился над
лесом,
Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку —
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на
куски.

Кто мы, где мы, зачем и откуда?
Все бежим и бежим в никуда,
Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаем города.

Жизнь прошла ради денег
и славы,
Слишком поздно смотреть
на часы.
Уронили высокие травы
Изумрудные капли росы.

* * *

Такие нынче холода
Стоят в России, что – беда...
Промёрзло озеро до дна,
Промёрзли солнце и луна,
Насквозь промёрзли небеса,
Окоченевшие леса
Не ждут пришествия весны,
Застыли помыслы и сны,
Тускнеет в окнах жёлтый свет,
И жизнь вот-вот сойдёт на нет...
И капли жёлтого тепла
Морозная поглотит мгла,
Но в глубине души моей
Тепло последних летних дней,
Мерцанье тёплое свечи,
Листва, шумящая в ночи.
Туман. Уснувшая река.
В моей руке – твоя рука...
Оттаивает не спеша
Заиндевшая душа...

* * *

Январь. Середина недели.
Стою посредине зимы.
Здесь властвуют злые метели.
Здесь – царство заснеженной
тьмы.

Пускай беспросветно
пространство,
Пусть тускло мерцает луна,
Я нынче ценю постоянство
Полярного долгого сна...

Январь. Середина недели.
Окутанный мглой небосвод.
Я так опасаюсь апреля,
Что с шумом и гамом грядёт.

Он сердца сомненья умножит,
Оттают надежды мои,
И душу опять растревожит
Предчувствие поздней любви.

* * *

Я весело и ново
На жизнь смотрю.
Из щепочки сосновой
Кораблик смастерю.

Пушу его по водам
Стремительной реки.
Лети, мой милый, с Богом,
От бед и от тоски.

Лети, гонимый ветром,
В далекие края,
Где от пустых наветов
Свободна жизнь моя.

И щепочкой сосновой
По волнам бытия
К неведомому морю
Летит душа моя.

Развеются напасти,
Исчезнут грусть и страх.
Ни зависти, ни страсти
На дальних берегах.

И я опять – в начале,
Куда ни бросишь взор –
Неведомые дали,
Неистовый простор.

И солнце ярко светит,
И синь слепит глаза,
И осторожно ветер
Колеблет паруса.

* * *

Когда все валится из рук,
Когда душа скорбит в тревоге,
Тогда мы как-то сразу, вдруг
Задумываемся о Боге.

И, безнадежно одиноко,
Застынешь пред вратами ада.
И веришь, что лишь только
Бог —
Твоя надежда и отрада.

Но лишь минует срок – опять
Во власти суеты и пьянства...
Не расплескать бы благодать,
Не впасть бы снова
в окаянство,

Пока душа еще жива,
Спешу, спешу под своды храма
И благодарности слова
Не забывай твердить упрямо.

* * *

Куда ни бросишь взор –
равнина.
Равнина – здесь. Равнина –
там.

Реки крылатая стремнина
Скользит по заливным лугам.

В туманной дымке тают дали,
Алеет сумрачный рассвет.
Здесь что-то новое едва ли
Произошло за много лет.

И век идет на смену веку,
На смену счастью – беда,
Но невозможно человеку
С природой слиться навсегда.

* * *

Стремишься постичь
мирозданье,
Скорбишь над народной
судьбой?

Суббота. Натоплена баня,
Струится дымок над трубой.

Сегодня я полный бездельник
Привычно сижу на полке,
Пахучий березовый веник
Победно сжимая в руке.

Во власти туманного жара
Смиренное тело мое,
И мягким березовым паром
Струится мое бытие...

Эпохи восторженный зритель,
Спешу беззаветно поддать.
Не с этим ли жаром Святитель
Однажды сравнил благодать?

От шума вдали и от гама
Вершу свой обряд не спеша.
А завтра под сводами храма
Вот так же отгадет душа.

ПАМЯТЬ

Хорошо бы собрать воедино
Все минувшие дни и года,
Чтоб воссозданной жизни
картина
Под рукой находилась всегда.

Чтобы давних событий цепочка
Не исчезла в безмолвной
глуши,
Чтобы каждая фраза и строчка
Сохранились в архивах души.

Но, прошедшее твердо храня,
Не потратим ли время
напрасно,
На события грядущего дня
Обращая свой взор безучастно?

Только память – не склад,
 не музей,
Чтобы там в алфавитном
 порядке
Уместить и врагов, и друзей,
И стихи в черно-белой
 тетрадке.

И очнись – а не ты ли уже
Над своим же корпишь
 некрологом?
Доверяй не уму – а душе,
Ей держать-то ответ перед
 Богом.

Все, что нужно, душа
 сохранит –
И любовь, и ненастные дни.

* * *

В полнеба снега кутерьма
Вчера. И вдруг – дожди.
Вот и еще одна зима
Осталась позади.

Но снежной хмари хоровод
Не устает кружить.
Подумалось – на целый год
Осталось меньше жить.

Покров печали ледяной
Растает не спеша,
И пусть ещё одной весной
Согреется душа.

* * *

Весна. Смешение погод.
То дождь, то снегопад.
А я уже который год
Весне совсем не рад.

Природа, радостно смеясь,
Вершит привычный бег.
Меня же раздражает грязь
И черно-белый снег.

Смятенье чувств. Смешенье
 дум.
Тревожится душа.
И пусть листвы зеленый шум
Обрушатся, спеша.

Но это завтра. А пока
Апрель не тронул льды,
Молчат крутые берега
В предчувствии беды.

ЛЕДОХОД

Весна. И снова ледоход
Апрель надеждой тешит.
Но с нами вновь идут в поход
И домовоной, и леший...

Не досмотрели зимних снов,
Очнуться не успели,
Как стаи новых колдунов
Со свистом налетели.

Куда волхвы нас завели
Теперь пойдем едва ли.
Но, оторвавшись от земли,
Мы силу потеряли.

И, захлебнувшийся тоской
Заморского дурмана,
Безмолвно тает род людской
Во мгле телеэкрана.

В колонну строит новый век,
Аршином общим меря,
Отринет Бога человек
И превратится в зверя.

Плывут вдоль берега реки
Расколотые льдины.
Пути Господни нележки
И неисповедимы.

* * *

Преображением живет
Природа круглый год,
Во всем – движение вперед,
Везде – круговорот.

Еще вчера мела метель.
Плыла во мгле луна,
А нынче вот – звенит капель!
А нынче вот – весна!

Рассветный луч рассеет мрак,
Растопит толщу льда...
А если человек дурак,
То это – навсегда.

* * *

В эпоху лжи и суеты,
В преддверии упадка
Не потерять бы простоты
Как главного достатка.

Иду, сбивая сердце в кровь,
Судьбы не проклиная,
Но счастлив, что нашел
любовь,
А не ключи от рая.

Хвала пророку и вождю,
Внемлю журчанью речи,
Но больше радуюсь дождю,
Летящему навстречу.

Смеюсь и плачу невпопад,
Когда введет в смятенье
То мимолетный женский
взгляд,
То яблони цветенье.

Богатство, слава – все тщета
Коль смерть всему итогом,
Согреет душу простота,
Дарованная Богом.

МОЯ УДАЧА

Моя удача
Не проживает в элитном доме
Не разъезжает на автомобиле
 последней модели
Не носит дорогих костюмов
Не восседает в почетных
 президиумах
Не курит роскошных сигар
Не пьет эксклюзивных
 коньяков...

Моя удача
Ходит в городскую баню по
 субботам
Пьет пиво с бывшими
 одноклассниками
Читает стихи студенткам
И улыбается продавщицам
 цветов

Моя удача

Не интересуется учетной
 ставкой и курсом валют
И ходит по воскресеньям
 в церковь
Только вот все реже и реже
 видится со мной –
У нее ведь есть дела
 поважнее.

* * *

Пока победно шествует эпоха,
Не лучше ли спокойно жить
в глуши?

Под маскою шута и скомороха
Скрывать порывы скорбные
души?

И будь во всем наивен
и беспечен,
Пусть думают, что жизнь твоя
легка.

Ведь никого не напугают речи
Придворного шута и дурака.

Когда ж грядут внезапно
перемены,
Услышатся иные голоса –
Участников немых финальной
сцены
Определят по списку небеса.

Метель утрат восторг души
остудит,
Застынет в реках черная вода,
Но все-таки Господь веселых
любит,
А верных – не оставит никогда.

И пусть кружат во мгле миры
и меры,
В кромешном мраке исчезает
путь,
Держись поближе
православной веры,
А там Господь подхватит
как-нибудь.

* * *

В жизни — все идет по плану —
Поздно ляжешь. Встанешь —
рано.

На работу и — домой.
В баню утром в выходной.
Телевизор. Гости. Дети.
Сорок лет на белом свете
Пролетели. Пронеслись.
Это — жизнь.

Дни летят неотвратимо.
Что-то в цель. А что-то мимо.
Едем с ярмарки. Как будто
И не вечер. И не утро.
Лошадей неспешный бег.
Выпал снег.

В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.
Утром чувствуешь усталость.

Сколько там еще осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница...
Едем дальше, не спеша.
А душа?

* * *

Небеса обличительно немы,
Час затишья перед бедой.
Как подумаешь: кто мы и где мы,
За какой оказались чертой...

Черета бестолковых событий
Затянула нас в круг бесовской.
Опьяненные жаждой открытий,
Захлебнулись заморской тоской.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни.
Но во мраке ноябрьской
природы
Вдруг наступят особые дни.

И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пройдёт не спеша.
И, как солнечный отсвет,
нетленно
Встрепенется и вспыхнет душа.

* * *

Миновала пора листопада.
Потускнела небес синева.
Только вишня всё ждёт
снегопада,
Тяжелеет, тускнея, листва.

Не кричат суетливо синицы.
Лужи скованы искристым
льдом.
И туман серебристый струится
Над ещё не застывшим прудом.

КАДРЫ КИНОХРОНИКИ

Пленных немцев ведут по
столице,
Офицеров ведут и солдат.
Я смотрю в их застывшие лица,
Вижу каждый затравленный
взгляд.
Исподлобья глядят осторожно
И не ведают, что впереди...
Рядом – мать молодая тревожно
Прижимает ребёнка к груди,
Мальчик смотрит светло
и серьезно
На притихший и солнечный
мир,
И пытается выгледеть грозно
Улыбающийся конвоир.

БАБЬЕ ЛЕТО

Пора уходящего лета.
В такие минуты, поверь,
Покажется солнцем согрета
Печаль невозвратных потерь.
Но ныне погоды иные,
И бабьего лета не жди.
В районах Центральной России
Идут затяжные дожди.
В тумане промозгом деревня...
Как тихо на вечной земле!
Лишь только качают деревья
Ветвями в сиреновой мгле.
Ленивые струи стекают –
Тяжелая это вода.
Уже не гудят, а вздыхают
Натруженные провода.
Три дня не выходишь из дому,
Часами сидишь у окна,
И одолевает истома

Дневного, тяжелого сна.
Но вот начинается смеркаться,
Уже не видать ни черта,
Как вдруг начинают казаться
Знакомыми эти места.
И чувство, знакомое очень,
Как будто когда-то с тобой...
Быть может, промозглая осень
С твоей пошутила судьбой?..
Не вспомнить. Не вспомнить.

И память

В помощники ты не зови.
Ведь все это было не с нами,
Но в нашей осталось крови:
Забывшие песни, дороги,
Заросшие лесом поля
И тяжесть осенней тревоги,
Дождливых ночей сентября...
И вдруг пожалеешь впервые
О том, что уже позади...
В районах Центральной России
Идут затяжные дожди.

* * *

Я искал взаимности у леса,
У полей, мерцающих белесо
В тусклом свете матовой луны,
У реки, спешащей суетливо
К тихой глади сонного залива,
У осенней гулкой тишины...
Но опять вела дорога к дому.
И причастность ко всему
другому
Растворялась в молодой крови.
И в который раз меня прощали
Улицы надежды и печали,
Перекрёстки счастья и любви...

БАЛЛАДА
О СТАРОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Парадная лестница старого
дома

До каждой щербатой
ступеньки знакома.

И стоит лишь в окна немые
вглядеться,

Как вспомнится сразу
Далекое детство...

От неевского берега
Веет прохладой.

Шумят тополя
Поседевшего сада.

Трезвонят трамваи,
Как прежде бывало,

Вздыхают –
И снова в дорогу устало...

Я знаю, что в прошлое не
возвратиться,

Но пух тополиный, как
прежде, кружится,

И что-то припомнить я все
же пытаюсь,

И я возвращаюсь, и я
возвращаюсь

В тот мир, что навечно в душе
берегу,

Где я ничего объяснить не
могу,

Где я ничего еще не понимаю,
А только внимаю, а только

внимаю...

И я возвращаюсь туда
постепенно.

С трудом поднимаюсь по
старым ступеням.

Щербатые стены...

Покатые крыши...

Всё выше и выше,

Всё выше и выше...

* * *

Птицы возвращаются домой.
Лес сквозит голубоватым
светом.

Скоро, очень скоро, Боже мой,
Зазвенит, зазеленеет лето.

Расцветет мой опустелый сад,
Только вот в душе моей – ни
звука.

Как-то вдруг неожиданно,
невпопад
Вспомнится недавняя разлука.

Снегопада шелест, фонари,
Сигаретный терпкий запах дыма
И тугая полоса зари,
Замерцавшая неуловимо.

Что осталось? Снега кутерьма.
Долгой ночи влажное дыханье

И нагая сладостная тьма,
И немного странное прощанье.

Нынче мы чужие – я и ты.
Всё так просто. Сердце бьется
мерно.
Что страшнее этой простоты,
Этой строгой страсти
равномерной?

Ни прощать не вправе, ни
винить.
Но чем дальше время – боль
сильнее.

Понял я давно, как надо жить,
Только с каждым годом жить
труднее.

Ну, а нынче – всё звенит весной.
Что природе наши мысли,
муки?..

Птицы возвращаются домой
После зимней, тягостной
разлуки...

* * *

Вновь устав от жизни
 бестолковой,
Покидаю шумный Петроград –
Мир мой тополинный и кленовый,
Мой вишнево-яблоневый сад...

Поднимаюсь по крутым
 ступеням,
А вокруг такая тишина,
И таким таинственным
 свеченьем
Комната моя озарена.

Я вздохну немного виновато,
Но уже теперь, на склоне дня,
Кроме Бога и военкомата,
Нет теперь начальства у меня.

Подойду к окну – еще не поздно;
Сонный мир объемлет тишина.

Тихо зреют яблоки и звезды,
На ветвях качается луна.

Ничего теперь уже не надо...
Тихо шепчет влажная листва,
И плывут во мгле ночного сада
Русские начальные слова...

ФЕДОР РАСКОЛЬНИКОВ В ПАРИЖЕ

Минувшее явственно вижу,
Прошедшие годы не в счет.
И вот по ночному Парижу
Раскольников Федор идет.

Без паспорта въехал. Без визы.
Трубят «Фигаро», «Пари матч»:
Он бросил нешуточный вызов,
К вождю обратившись:
«Палач!»

Ах, память, ты, русская память!
Оглянешься с мукой назад –
Кроваво-закатное знамя,
Туманно-ночной Петроград.

И будет спасение миру,
И счастье, и свет, а пока –
Не вы ли в ночные квартиры
Ломились с мандатом ЧК?

Не ты ли, Раскольников, рьяно
Великой идее служил?
Как демон полночный
с наганом
Во тьме предрассветной
кружил?

Теперь спохватился – не
слишком
Взметнулся всемирный пожар?
Во что же ты верил, братишка?
Куда ж ты нас вел, комиссар?..

Ах, память, ты, русская память!
Все вспомнишь, в конце-то
концов.
Тобой же раздутье пламя
Тебе опалило лицо.

Огнями ночного Парижа
Вся комната озарена,
А память все ближе и ближе,
И все беспощадней она.

И снится убитый царевич
И кровью забрызганный лед.
И Бунин Иван Алексеич
Руки тебе не подает.

* * *

В суете, в круговерти,
В суматохе разлук
Я подумал о смерти
Неожиданно, вдруг.

И как будто очнулся,
И качнулся перрон,
И вокзал пошатнулся,
И отчалил вагон.

Я исчезну во мраке
Беспросветной ночи.
Не залают собаки,
И луна промолчит.

В мельтешенье столичном,
В ритмах сумрачных дня
Жизнь пройдёт, как обычно,
Разве что – без меня.

Но не сгинут – хоть тресни,
Хороши ли, плохи,
Непутевые песни,
Путевые стихи.

Да, плутала дорога
В суете и грехах,
Только всё же от Бога
Слово в наших стихах.

Он рассудит бесстрастно
Мир больной и большой,
Ведь унынье не властно
Над бессмертной душой.

* * *

Пишу, пишу — а толку?
Залятье над страной.
Дается легче волку
Общение с луной.

Какая тишь в округе,
Струится лунный свет,
И недруги, и други
Давно сошли на нет.

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристаней дрожат.

Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоём,
Давно сбежали крысы,
А мы ещё плывём.

* * *

Как смеялось и пелось
У беды на краю!
Всем, конечно, хотелось
Оказаться в раю.

Приводили примеры,
Подводили итог
И без Бога и веры
Громоздили чертог.

Пролетели мессии –
Ни покрышки, ни дна.
На просторах России
Замерла тишина.

Совесьть глуше и тише,
И не видно ни зги –
Затуманились души,
Заржавели мозги...

Но мальчишка со свечкой
У иконы стоит,
Пусть пылает сердечко,
И зовёт, и болит.

Не окончена битва,
И не дрогнет рука,
Только этой молитвой
Мы и живы пока.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

Тесно стало на кладбищах
русских.
Громоздятся тяжёлые плиты,
И проходы немислимо узки,
И кресты, и ограды разбиты.
Ну, а рядом грохочет дорога,
Деловито и невозмутимо.
Ненадолго забытые Богом,
Изменяемся неуловимо.
Нет мгновенья, чтоб скорбно
и тихо
Постоять у родимой могилы.
И гремящее, грозное лихо
Забирает последние силы:
Чтобы чувства и глуше, и тише,
Чтоб душа не томилась
в тревоге,
Чтоб я голоса мамы не слышал
Из-за этой проклятой дороги.

* * *

На Родине – как на вокзале –
Сумятица и суета,
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта.
Здесь кто-то прибудет заранее,
А кто-то – в последний вагон.
И кружится в сонном сознанье
Мир шапок, ботинок, погон...

А после в бездонном
пространстве
Лететь среди тусклых светил,
Чтоб ветер сомнений
и странствий
Земную печаль возвратил,
Чтоб вновь поутру захотелось
Пройтись по траве босиком,
Чтоб снова печалилось,
пелось,
И даже не важно, о ком.

Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна
Ему видна была Россия,
Была судьба её видна...

* * *

Как много слов мы говорим
 подчас,
И думаем при этом мы едва ли,
Что, не расслышав вещей
 Божий глас,
Мы Бога в Русском Слове
 потеряли.

Не слушая друг друга, все
 кричат,
О правоте мечтая повсеместно.
Лишь нищие на паперти
 молчат,
А им, поверь мне, многое
 известно.

* * *

У всех народов – праздники
и будни.

У русских – только будни
круглый год.

И тяжелей, надрывней,
беспобудней

Пьёт импортную горькую
народ.

Наш календарь прекрасен был
и тесен –

За Первомаем – снова
Первомай,

Теперь уже ни поводов, ни
песен,

А о былом – совсем не
вспоминай.

Теперь другие времена и даты –
Отдельно для детей и для отцов.

Россия, Русь, куда ты мчишь,
куда ты?

Остановись на миг, в конце
концов!

А мир вокруг – весёлый
и прекрасный,

И раз уж мы всю жизнь
боролись зря,

Так выпьем, друг, уж если не
за красный,

Так хоть за черный день
календаря.

* * *

Опутано ложью полмира.
Не вырваться нам из цепей.
Всё больше и больше кумиров
У Родины бедной моей.

О, сколько предсказано
сроков!

Тускнеет звезда на челе.
Всё больше и больше пророков
Идёт по бесплодной земле.

Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они сладко глаголют!
О, как они сладко поют!

Камней раскидали мы груды.
Поди их теперь собери!
Но снова толкуют иуды
Про отблески новой зари...

Я бред этот слушать не стану.
Не стану я им возражать.
Пораньше сегодня я встану,
Поеду картошку сажать.

Как скромный, но знающий
зритель,
Молчу – и на мне есть вина, –
Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст непременно сполна.

Наладится жизнь понемножку.
Вернётся державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

* * *

«Умом Россию не
понять...»

Ф.Тютчев.

И флаг у нас теперь, и гимн.
С геральдикой решили тоже.
А вот с Отечеством самим
Не получается, похоже.

Все в мире – сами по себе.
И свой шесток – всего дороже,
А мы в неистовой борьбе
Хотим всё время быть похожи.

И во вселенской суете
Перемеряем все наряды...
Но мир не тот. И мы не те.
И нам давно нигде не рады.

Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.

Умом Россию не понять,
А если нет ума – тем боле...

В морозном вихре даль видна.
Куда летит, куда несётся
Та незнакомая страна,
Что нынче Родиной зовётся?

В хитросплетении дорог
Забудь условность ветхих
правил,
Молись, чтоб милосердный Бог
Нас вразумил и не оставил.

Не решай судьбу иных
 столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной
 полынный ветер
Говорит на русском языке.

АФОН

Молитвы тихие слова,
И колокольный звон,
И доносящийся едва
Чуть слышный шелест волн.

Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках – монастыри,
Как силуэты гор.

Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад.
Один завет, один закон
На много лет подряд.

Смахну беспамяатства слезу
Тяжелою рукой,
Домой с Афона привезу
Надежду и покой.

Я на мгновенье был спасён
В невежестве своём,
В туманной дымке вознесён
Над смрадным бытиём.

Извечной мудрости ответ
Получен мной уже.
Он, как звезды далёкой свет,
Чуть теплится в душе.

* * *

Растаял след инверсионный
В пустых, прозрачных небесах.
Гул самолёта отдалённый
Затих в синеющих лесах.

И потревоженные дали
Опять застынут на века,
Без усталости и без печали
Под ними вдаль стремится река.

И ты, измученный сомнением
Во мраке лживой суеты,
Застынешь в скорбном
изумленьи
От величавой простоты.

И если есть на свете вечность,
То выглядит она такой –
Сияющая бесконечность
Над бронзовеющей рекой.

Дмитрий Мизгулин. Родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт имени Н. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им А. Горького в 1993 году. Член СП России. Академик Петровской академии наук и искусств с 2002 года. Печатался в журналах: «Звезда», «Литературный Азербайджан», «Молодая гвардия», «Наш Современник», еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Автор книг стихотворений «Петербургская вьюга» (1992), «Зимняя дорога» (1995), «Скорбный

слух» (2002), «О чем тревожилась душа» (2003), «Две реки» (2004), «География души» (2005), «Избранные сочинения» (2006), «Духов день» (2007), сборника рассказов «Три встречи» (1993), литературных заметок «В зеркале минувшего» (1997), книжки для детей «Звезд васильковое поле» (2002). Лауреат премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2004), премии «Петрополь» (2005), премии журнала «Наш Современник» (2006), Всероссийской премии «Традиция» (2007), премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы (2007). Живет в городе Ханты-Мансийске.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5	«Зачем, скажи, нудя и мучась...»	18
Кольчуга («Дрожит свечи неровной пламя...»)	11	«Куда бы жизнь нас дальше ни вела...»	20
«Места для боли в душе не осталось.»	12	«Февраль снаружи и внутри...»	22
«Словно из болотного тумана...»	14	«Жизнь не просто прошла – пролетела.»	23
Рим («Рокочет недовольная река.»)	15	«Перестройка. Перековка.»	25
«Безнадежно устав от прогресса...»	16	«Встрепенёт притихнувшую душу...»	26
«Мир ночной погрузился во мрак...»	17	«В царстве срама и хама...»	28
		«Растаял туман над излукой...»	30
		«Державою были великой...»	31
		«Весна. Раскисшие дороги.»	32

«Настало лето. Реки разлились...»	33
«От Волхова до Иртыша...»	35
«Застыли великие реки...»	36
«Вот наконец-то и зима.»	37
«Похоронив отца и мать...»	38
«Слава Богу – всё со мной...»	40
«Вагончики. Сарайчики. Балки.»	41
«Вострубят ангелы – пора.»	42
«А зима – неожиданно, вдруг...»	44
«Я поздней осенью дышу.»	45
«Этот вечер не тронут прогрессом.»	47

«Такие нынче холода...»	49
«Январь. Середина недели.»	50
«Я весело и ново...»	51
«Когда все валится из рук...»	53
«Куда ни бросишь взор – равнина.»	54
«Стремишься постичь мирозданье...»	55
Память («Хорошо бы собрать воедино...»)	57
«В полнеба снега кутерьма...»	59
«Весна. Смешение погод.»	60
Ледоход («Весна. И снова ледоход...»)	61
«Преображением живет...»	63

«В эпоху лжи и суеты...»	64
Моя удача («Моя удача...»)	66
«Пока победно шествует эпоха...»	68
«У власти всегда на примете...»	70
«Либо – навзничь. Либо – вскачь.»	71
«В жизни – все идет по плану –»	72
«Небеса обличительно немые...»	74
«Миновала пора листопада.»	75
Кадры кинохроники («Пленных немцев ведут по столице...»)	76

Бабье лето («Пора уходящего лета.»)	77
«Я искал взаимности у леса...»	79
Баллада о старой лестнице («Парадная лестница старого дома...»)	80
«Птицы возвращаются домой.»	82
«Вновь устав от жизни бестолковой...»	84
Федор Раскольников в Париже («Минувшее явственно вижу...»)	86
«В суете, в круговерти...»	89
«Пишу, пишу – а толку?»	91
«Как смеялось и пелось...»	92
«Дымится мгла морозного тумана...»	94

Дорога через кладбище («Тесно стало на кладбищах русских.»)	96
«На Родине – как на вокзале –»	97
Раздумья в степи («В пустыне властвует самум.»)	99
Забывтая фотография («Россия пьёт запоем, тяжело...»)	101
Дом, где жил Тютчев («Смеркается. Как наваждение...»)	103
«Как много слов мы говорим подчас...»	105
«У всех народов – праздники и будни.»	106
«Опутано ложью полмира.»	108
«И флаг у нас теперь, и гимн.»	110

Рождество («В церкви тихо. За окнами синими...»)	112
«Скоро мы оставим мир подлунный...»	113
Афон («Молитвы тихие слова...»)	115
«Растаял след инверсионный...»	117